

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ГЕРОЯ СОВРЕМЕННОГО ПОДРОСТКОВОГО РОМАНА

Сегодня проблема идентичности волнует человека как никогда и естественным образом проявляется в литературе. Идентичность образа героя-тинейджера всегда проблематизируется авторами реалистического молодежного романа и часто рассматривается в одинаковом ключе. Для выявления этих тенденций современной литературы и понимания сложной структуры идентичности образа героя автор статьи предлагает воспользоваться психологической теорией идентичности Эрика Эриксона и ее разработкой И.С. Кона. Разделение идентичности на модальности позволяет более четко описать художественный образ современного героя-тинейджера. В статье анализируется проблема идентичности образов героев Дж. Фоера, Э. Сиболд, Дж. Грина.

Идентичность, психофизиологическая идентичность, социальная идентичность, личная идентичность, образ героя, реалистический подростковый роман, проблемный подростковый роман

Практически любой роман для подростков и молодежи и о подростках и молодежи является романом взросления, а следовательно, вопрос «Кто я?» становится для героя одним из основных. Поэтому актуальность мотива кризиса идентичности для подросткового романа очевидна. Сегодня возникает необходимость снова рассматривать эту не новую литературоведческую проблему в связи с новыми тенденциями, имеющими место в данном жанре.

В первую очередь, отметим феноменальную популярность литературы для подростков, которая, преодолевая возрастные границы, становится любимым чтением взрослых. Взрослые стремятся найти в гари поттерах, сумерках и лабиринтах успокоение, отдых от бешеного темпа и невыполнимых запросов собственной жизни. В результате возникает явление кроссовера (англ. – crossover) – массовое безвозрастное увлечение подростков чтением. Но не только взрослые способствуют популярности этой ниши литературы. Вторая причина – возросшая роль подростков в обществе.

На молодежь сегодня ложится все большая социальная ответственность в связи с увеличением доли населения пенсионного возраста и в связи с ведущей ролью если не в разработке, то в использовании необходимых обществу компьютерных технологий. После мировой войны происходил аналогичный процесс: подростки начали выполнять функции ушедших на фронт и погибших взрослых мужчин, их значимость возросла, подростковая категория выделилась как отдельная возрастная категория (см. Сэвэдж), и в литературе появился подростковый роман. Сегодня возрастающая роль молодежи стала причиной всплеска внимания к ней, отсюда и выделение янг эдалта (young adult) и его огромная популярность в конце XX – начале XXI века.

Парадокс в том, что подростки и молодежь сегодня, с одной стороны, являются группой все возрастающей значимости, с другой стороны, группой наи-

большей уязвимости. Именно они испытывают наибольшее давление общества (семьи и государства), вынуждены искать себя и одновременно работу, не могут прогнозировать будущее, подвержены разнообразным рискам от службы в армии, угрозы безработицы и до неверно выбранного образования.

Проблематизация идентичности героя логична и даже неизбежна для жанра реалистического подросткового романа, образующей чертой которого является отражение действительного состояния современного глобального общества. Очевидно, что темпы жизни нарастают, начиная с Нового времени, и сегодня трансформационные процессы ускорились настолько, что их смена происходит быстрее, чем смена поколений, а это значит, что каждый человек за свою жизнь переживает несколько «парадигм» (политических, экономических, культурных, социальных). Это значит, в свою очередь, что для успешного существования человеку недостаточно раз и навсегда выбранной роли, как это было раньше. В Средневековье одна роль выделялась на целые поколения одной семьи, прекрасно функционировали династии кузнецов, ювелиров и т.д. Еще в середине XX века, получив профессию инженера, выпускник советского вуза был уверен, что на протяжении всей профессиональной карьеры останется инженером. Сегодня невозможно с большой долей вероятности предсказать востребованность той или иной социальной роли в долгосрочной перспективе.

Это приводит к нарастанию тревожности и чувству незащищенности. Вот как оценивает ситуацию современный немецкий философ Петер Слотейдак: «Великое скольжение уже стало частью общего спектра человеческой жизни. Это значит только то, что нет такого места на свете, где бы ты, как среднестатистический ископаемый человек, был защищен от инноваций. Беспокойство нарастает, но все же многое остается совершенно ясным: человек переносит подвижность, только когда чувствует, что где-то внутри

его существа продолжает покоиться некий полюс, который при всех изменениях остается таким же, как прежде» [3].

И в этой ускользающей реальности подросток спрашивает себя: если мир меняется, нет ничего постоянного, кем я буду завтра? Буду ли я завтра? Кто я сейчас? Паранойя рождает кризис самоидентичности у подростков в наибольшей степени. Таким образом, проблематизация идентификации образа героя и вытекает из условий культурно-исторического развития общества и требует научного анализа и оценки.

На направляющей идентификации отрефлексированного себя можно обнаружить от точки максимальной идентификации (я есть весь мир, я определяю мир) до нулевой (я есть только в коллективе, как часть коллектива, я винтик, я никто). Однако для верной оценки идентификации современного героя янг эдалта мы считаем полезным привлечь теорию Э. Эриксона об идентичности и классификацию трех модальностей идентичности, разработанную И.С. Коном [1, с. 19] на основе теории Э. Эриксона [4].

«Психофизиологическая идентичность обозначает единство и преемственность физиологических и психических процессов и свойств организма, благодаря которой он отличает свои клетки от чужих, что наглядно проявляется в иммунологии. Социальная идентичность это переживание и осознание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям. Идентификация с определенными социальными общностями превращает человека из биологической особи в социального индивида и личность, позволяет ему оценивать свои социальные связи и принадлежность в терминах “Мы” и “Они”. Личная идентичность или самоидентичность (Self-identity) это единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов и смысложизненных установок личности, осознающей себя субъектом деятельности. Это не какая-то особая черта или совокупность черт, которыми обладает индивид, а его самость, отрефлексированная в терминах собственной биографии. Она обнаруживается не столько в поведении субъекта и реакциях на него других людей, сколько в его способности поддерживать и продолжать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, несмотря на изменение отдельных ее компонентов» (Цит. по энциклопедии для более компактного изложения: [2]).

Те различия, о которых сегодня много пишут и говорят: гендерные, расовые, физические, психические, – входят в сферу психофизической идентичности. Суть взросления в романах, где протагонистом является ребенок с физическими либо психическими особенностями, – осознание своей инаковости и развитие способности свыкнуться с ней, примириться, даже найти себя в ней, словом, принятие своих особенностей («Загадочное ночное убийство собаки» Марка Хэддона). Другой тип реалистического подросткового романа строит противоположные художественные стратегии идентификации героя, отказывая ему в сколь-либо заметной психофизиологической идентичности и с его точки зрения, и с точки зрения социума. Тогда другой возможный путь протагониста – осознание своей заурядности, отсутствие выдаю-

щихся способностей, собственной усредненности как нормы и выработка способности преодоления себя и своей посредственности ради чего-то или кого-то важного: спасения любимого человека, выживания. Например, в романе «Бумажные города» Джона Грина подросток Кевин такой заурядный, что с ним дружат только непопулярные среди сверстников одноклассники, а другие или не замечают, или задирают. Подружка детства Марго, самая яркая личность в школе, тоже сторонится Кевина. Но когда она исчезает, именно Кевину остается цепочка подсказок, именно его Марго решает вытащить из скорлупки и увлечь в большой мир. Кевину, отзывчивому, доброму мальчику, приходится преодолеть свою трусость (а именно это определение является ключевым в его самоидентификации) и отправиться на поиски девушки [5]. Таким образом, с точки зрения психологической теории Э. Эриксона, современный подростковый роман отражает процесс перехода от психофизиологической идентичности к личной.

Отдельно мы бы хотели остановиться на социальной идентичности, поскольку сегодня из-за повышенного интереса литературы и литературоведения к самоидентификации сложно описать социально значимые процессы развития личности в романе. При этом адресное внимание к социальному аспекту позволяет и глубже понять «кухню» подросткового романа XXI века, и увидеть его место в исторической поэтике.

Оскар («Жутко громко и чрезвычайно близко» Джонатана Фоера) мало общается со своими сверстниками, потому что, во-первых, ему неинтересно, во-вторых, над ним смеются. Чрезвычайно развитый интеллектуально, Оскар способен производить в уме сложные вычисления, помнит разнообразие факты о фауне мира и истории человечества, постоянно генерирует новые изобретения, но психические особенности развития мальчика не позволяют ему общаться со сверстниками на одном уровне: он не понимает законы подростковой иерархии, не может выделить слой табуированной в подростковой среде лексики, не интересуется тем, чем увлекаются другие десятилетние дети. Оскар любит общаться со взрослыми, желание быть принятым в мир взрослых у него даже гипертрофировано: мальчик рассылает письма знаменитостям с просьбой сделать его своим протеже. Оскар понимает взрослых и их внутренние мотивы, умеет сопереживать и поддерживать морально. На протяжении романа он учится переносить фокус своего внимания с интересного взрослого мира в целом на тех взрослых, которые находятся рядом с ним – так близко, что их он понимает меньше всего. В первую очередь, это мама, чье незримое присутствие во всех его начинаниях он обнаруживает только в финале романа. Развязка произведения отмечена переносом фокуса с дальнего горизонта на близкую родную маму и ее любовь к сыну (в этом – в том числе – смысл названия романа Дж. Фоера). Далеким предстают не только все те мистеры, миссис и мисс Блэки, живущие в Нью-Йорке, которых посещает Оскар (он ищет замок для найденного ключа), но и папа Оскара. Папа погиб в теракте 11 сентября. Время идет, месяц за месяцем, а Оскар сосредоточен на общении с ним. Беседы-воспоминания с папой описаны ярче и эмоциональ-

нее, чем реальное «бытовое» общение с мамой. Оскар не может отпустить отца, вернее, память о нем, поэтому он ходит по городу, ищет замок и верит, что замок откроет дверь к отцу. Собственно, становление героя и состоит в том, чтобы принять смерть близкого, отпустить его в другой мир и переключиться на маму и бабушку, которым он нужен здесь и сейчас. И в этом ракурсе мы теряем из вида психофизиологические особенности конкретного героя и видим его как обычного ребенка, столкнувшегося с ужасами нашего мира. Оскар – лишь один из детей, потерявших отца в любом из терактов [6].

Таким образом, с точки зрения психофизиологической и личной идентификации Оскар – особенный, но его социальная идентификация – нулевая. Сюзи из романа Элис Сиболд «Милые кости» – самая обычная девочка в школе. Ее обычность подчеркнута противопоставлением сестре-вундеркинду [8]. Кевин из романа Джона Грина «Бумажные города» – такой мальчишка, которого пройдешь и не заметишь; другие дети и он сам подчеркивают его застенчивость и даже трусоватость. Герои романов Джона Грина, Элис Сиболд, Джоди Пиколт, Эмили Локхарт, Саманты Янг, Стефани Майер, Джона Уизнера, Энжи Томас у окружающих ассоциируются с серостью, незаметностью, незначительностью, простотой, а Стефен Чборски даже выносит эту ассоциацию в название романа: «Хорошо быть тихоней». Внутренний мир этих героев значительно богаче, чем у окружающих, что позволяет им критически оценивать происходящее, видеть недостатки и тайные мотивы окружающих, но социально они неотделимы от основной массы подростков.

На вопрос, почему социальная идентификация протагонистов стремится к нулю, достаточно легко ответить, приняв во внимание культурно-социальную среду XXI века, о которой мы говорили выше. Литература, написанная о молодежи и для молодежи, сегодня отражает нестабильность мира, и в этом ее основная функция. Читая янг эдалт, юноша или девушка преследуют две цели: эмпатия и эскапизм. Им надо убедиться, что у других тоже все плохо и надо как-то выживать, а чтобы процесс выживания не загонял в депрессионный тупик, надо иметь возможность отвлечься и помечтать. Именно поэтому фэнтези сегодня жанр номер один в нише детского, подросткового и даже молодежного чтения.

В принципе, преследуя любую из этих целей, подросток по-прежнему желает читать про себя («Про мальчика», как однажды удачно выразил эту мысль Ник Хорнби в названии одного из своих романов). В первом случае о себе реальном, во втором – об идеальном. Первый тип героя представлен в двух жанрах – реалистическом подростковом и молодежном романе и проблемном подростковом и молодежном романе. Второй тип мы находим в фэнтези, прекрасным примером которого является сага «Голодные игры». Главная героиня – сильная, смелая, справедливая, но без занудства и идеальности, потому что постоянно преодолевает не только внешние преграды, но и свои личные слабости, чтобы решить проблемы жестокого циничного взрослого мира. Что касается ее социального статуса, он также подчеркнуто низок. Выросшая без отца, Кэтлин вынуждена сама добывать дичь в

лесу, продавать, помогать матери и сестре. Осознание себя как обычной девушки, дочери своего нищего народа, придает Кэтлин силы. Тот ореол героизма, который обретает девушка к концу повествования, возможен сегодня только в жанре фэнтези. В сверхспособности, т.е. героизм и идеальность прежних литературных героев, сегодня никто уже не верит. Задача – дать подросткам возможность помечтать с героями Марвелла о том, что в действительности невозможно, пожить в мире, где сильный герой прилетает и все решает.

Катастрофическую реальность XX–XXI вв. изменить невозможно. Вот она перед нами в телевизоре, на телефоне, на мониторе, а у многих за окном и в доме: теракты, стрельба в школе, семейное насилие, массовые детские суициды, детское донорство, неизлечимые болезни. Может ли четырнадцатилетний человек изменить что-то из этого? Предотвратить изнасилование девочки соседом или отцом, разоружить одноклассника, стреляющего по сестре, вылечить рак у любимой девушки? Подростки больше, чем взрослые, ощущают свое одиночество и потому четче осознают свою беспомощность. Способ взаимодействия с реальностью для них – не попытки ее трансформации, но попытки встраивания себя в нее. На бытовом уровне это выражается в просьбах оставить их в покое в их соцсетевой реальности, на литературном – в спросе на книги об обычном герое внутри сложных проблем глобального общества.

Поскольку реалистический роман представляет реалистическую картину мира, то и героем реалистического романа становится самый обычный подросток. Обычный, то есть в меру сообразительный и добрый, эмоциональный, интересующийся ежедневными делами, общением со сверстниками, заикленный на обычных вопросах половозрелого периода вроде первого секса, внешности, статуса в классе, запрессованный предстоящим поступлением в колледж, ждущий и побаивающийся предстоящего отъезда после школьного выпуска. Под это описание подходят герои всех реалистических подростковых романов. Об этой обычности и хотят читать сегодня.

Такой герой возвращает нас к излюбленному реализмом архетипу маленького человека. Однако обычность эта распространяется только на социальный статус; психофизиологические и личные характеристики, наоборот, выделяют человека из ему подобных, делают его индивидуумом, единственным, неповторимым, ценным в своей уникальности.

Стремление современного подросткового романа к нулевой социальной идентификации героя не только выполняет функцию мимесиса, создавая тождество читателя и героя, но и моделирует аксиологию произведения. Зачастую обыкновенность позиционируется как достоинство. Так героиня романа Джо Джо Мойес «Я до тебя» – самая обычная девушка без особых достоинств: ее не назовешь ни красавицей, ни умницей, да и вообще трудно о ней сказать что-либо определенное. Окружающих эта обыкновенность скорее разочаровывает: родители хотели бы видеть Луизу более образованной, бойфренд – более спортивной, сестра – более успешной. Мнение этих людей для Луизы значимо, более того, она определяет себя через

них, демонстрируя почти нулевую степень идентификации. Но автор не зря подчеркивает, что Луиза живет в ладу с собой и не спешит что-то менять, – этот внутренний стержень и есть основа будущих успехов девушки. Работает главная героиня в кафе (и тоже очень довольна своим занятием). Когда кафе закрывается, Луиза находит работу сиделки. Примечательно, что мать инвалида выбирает нескладную Луизу в разорвавшейся маминой юбке из-за спокойствия, оптимизма и... болтливости – именно этого не хватает ее сыну – обеспеченному образованному умному холостяку, потерявшему вкус к жизни после автокатастрофы. В то время как все знакомые девушки с хорошим бэкграундом отворачиваются от Уилла, словно вычеркивая его из своей жизни, простушке Луизе удается вдохнуть в него интерес к собственному и даже чужому существованию. Чуда, конечно, не происходит: это реалистический роман о правде жизни, поэтому жизни в инвалидном кресле Уилл все же предпочитает самоубийство.

Но Луизе шести месяцев общения с ним оказалось достаточно, чтобы выйти из зоны комфорта, посмотреть на себя со стороны, осознать свое место в мире и свои желания. Путь самоопределения провел ее от обыкновенного «ничто» к пониманию себя как индивидуальности. Исчезли эмотивные доминанты начала романа – сомнение, неуверенность, неопределенность, вина. Луиза осталась обыкновенной девушкой, но теперь она обрела цели и смысл существования не только в окружающей необходимости, но и во внутренних потребностях самореализации. Таким образом, основная идея романа – путь героини от нулевой идентификации к осознанию своей уникальности. При этом ее социальная идентификация остается нулевой [7].

В жанре проблемного реалистического подросткового романа вопрос идентификации образа героя глубже. Проблемный роман фокусируется на какой-либо катастрофе, свойственной современному глобальному обществу, и способам ее переживания подростком. Мы уже говорили, что преодоление такого препятствия, как теракт, изнасилование, суицид или убийство близкого, неизлечимая болезнь, силами одного подростка невозможно. Поэтому вопрос не в том, как победить зло, а как выжить в мире, где есть зло. Мы привыкли к тому, что нас призывают бороться и не смиряться, но сегодня это поведение может стать деструктивным, если объективная победа над злом невозможна. Следовательно, надо искать новые пути выживания. И таким путем часто становится принятие. Простое осознание того факта, что мир не исправим, что зло в нем было и будет всегда, что есть и добрые люди, и злые, помогает пережить катастрофу, найти ориентиры и пытаться жить дальше.

С этой перспективы опять обратимся к теории идентификации и к ее современным тенденциям, изложенным, например, И.С. Коном. «Если в новое время проблема идентичности сводилась к тому, чтобы построить и затем охранять и поддерживать собственную целостность, то в современном мире не менее важно избежать устойчивой фиксации на какой-то одной идентичности и сохранить свободу выбора и открытость новому опыту. <...> Но если раньше пси-

хологическая ригидность (жесткость) нередко помогала социальному выживанию, то теперь она чаще ему вредит. Самоидентичность все больше воспринимается сегодня не как некая твердая, раз и навсегда сформированная данность, а как незаконченный развивающийся проект (Э. Гидденс). В условиях быстро меняющегося социума и растущей продолжительности жизни личность просто не может не самообновляться, и это не катастрофа, а закономерный социальный процесс, которому соответствует новая философия времени и самой жизни» [1, с. 44].

Герой подросткового романа должен сменить свои (пусть одобряемые обществом и работавшие ранее) принципы. И вопреки классическим представлениям – бороться и искать, найти и не сдаваться – новые принципы, вполне возможно, окажутся проще и скучнее некоего закрепленного в нашем сознании идеала. Этим, на наш взгляд, и объясняется выбор негероического героя в реалистическом, в частности проблемном, подростковом романе. Так Оскару Джонатану Фоера в идеальной реальности предстояло бы совершить нечто невероятное и найти в многомиллионном Нью-Йорке того мистера Блэка, который был упомянут на конверте с ключом, а в результате – обрести знание, которое, если бы и не вернуло папу, позволило проникнуть в тайны бытия. Только вместо тайны Оскар обнаруживает очевидное – мамину любовь и заботу, а вместо знания – чувства. Безрезультатный поиск замка для ключа на практике приводит мальчика к самоидентификации через признание правомерности своих негативных чувств и пониманию чувств Другого – эмпатии.

Образ героя современного реалистического подросткового романа отличается сложной структурой ввиду высокой психологичности прозы XXI века. Психологическая, социальная, личная идентификация должны рассматриваться литературоведом по отдельности и в комплексе. Кроме того, важную роль играет анализ проблемы идентичности героя в ее эволюции. Такой ракурс позволяет вникнуть в ценностную систему произведения, заметить как ее встроенность в культурную и литературную традиции, так и поле конфронтации с ними. Мы можем отметить, что авторы современного реалистического подросткового романа решают проблему идентичности героя в одном ключе: показывая его психофизическую и личную идентичность как уникальные, они максимально нивелируют степень его социальной идентификации. Для проблемного подросткового романа, кроме того, свойственно отсутствие фиксации на определенном типе самоидентификации, поиск себя в условиях ужасов и катастроф современного мира, выбор поведенческих практик и эмоционального поведения, которые не поддерживаются обществом как идеальные. Эта тенденция естественно вписывается в путь развития современного гуманитарного знания, переосмысливающего субъект в терминах децентрации.

Литература

1. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1984. – 195 с.
2. Кон, И. С. Идентичность / И. Кон // Энциклопедия Кругосвет / под редакцией А. В. Добровольского. – Текст :

электронный. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html (Дата обращения: 27.02.2020).

3. Шитцова, Т. Гнев, ревность, фрустрация : интервью с Петером Слотердайком газете Neue Zürcher Zeitung : перевод с немецкого / Т. Шитцова. – Текст : электронный. – URL: <https://syg.ma/@attache-de-presse/gniev-rievnost-frustratsiia-intier-viu-s-pietierom-slotierdaikom> (Дата размещения: 09 января 2019).

4. Эриксон, Э. Идентичность, юность и кризис / Э. Г. Эриксон ; перевод с английского, общая редакция и

предисловие А. В. Толстых. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.

5. Green, J. Paper towns / J. Green. – Penguin Books, 2009. – 305 p.

6. Foer, J. Extremely Loud and Incredibly Close / J. Foer. – Mariner Book, 2006. – 368 p.

7. Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – Penguin, 2012. – 512 p.

8. Sebold, A. Lovely bones / A. Sebold. – Back Bay Books, 2004. – 368 p.

N.S. Zelezinskaya

THE PROBLEM OF THE HERO IDENTITY IN THE CONTEMPORARY YOUNG ADULT NOVEL

Nowadays the problem of identity concerns people more than ever and, naturally, it manifests itself in literature. The identity of a hero is always proved problematic by the authors of realistic young adult novels and it is often viewed in the same vein. To reveal these tendencies in modern literature and to understand the complex structure of the hero identity, the author proposes to use Eric Erickson's psychological theory of identity which was further developed by I.S. Kon. Kon's division of identity into modalities makes it possible to describe the artistic image of a teenage hero more clearly. The article analyzes the problem of identity of the characters in the novels by J. Foer, E. Sebol and J. Green.

Identity, self-identity, social identity, psycho-physiological identity, the image of the character, realistic young adult novel, problem young adult novel.